

За каждым взрослым стоит ребёнок, который был запечатан во времени и перестал расти.

Извращённое и жестокое детство было закалено временем и превратилось в дозу иммунных игл, которые незаметно вонзились в кожу Ся Сицина и впрыснулись в его кровь, заставив его потерять чувствительность и уверенность в слове «любовь», исходящем из его костей.

Люди – это не совокупность организмов, а совокупность переживаний.

Чжоу Цзихэн обнял Ся Сицина и очень нежно поцеловал его слёзы.

— Со мной эта дверь больше никогда не закроется. – Его рука нежно похлопала Ся Сицина по спине, потирая его слегка приподнятый позвоночник.

Он больше не хотел оценивать всё то, что сделали родители Ся Сицина. Это было бессмысленно. Он просто хотел остаться с Ся Сицином и позволить ему жить в проявившейся любви и жить свободной жизнью, которую он хотел.

Давая ему понять, что он всегда достоин того, чтобы его любили.

Рука Ся Сицина свободно повисла на талии Чжоу Цзихэна. После разговора о прошлом он казался опустошённым. У него больше не было сил. Даже его сердце билось в предсмертной агонии. Медленно билось в пустой груди.

Чжоу Цзихэн осторожно коснулся раны, к которой он никогда не осмеливался прикоснуться. Ся Сицин всё ещё был без сознания, когда увидел это в первый раз, но на этот раз он был в сознании.

Он поднял Ся Сицина, положил его на маленькую кровать, наклонился и поцеловал ужасный шрам.

Они вдвоём свернулись калачиком на маленькой кровати, Чжоу Цзихэн крепко обнял его, прижимаясь друг к другу и опираясь друг на друга, как два дрифтера, которые полагаются друг на друга на плоскодонке. Если они не будут осторожны, они упадут в океан.

Глаза Чжоу Цзихэна были такими нежными, что Ся Сицин внезапно почувствовал, что он очень презренный человек, как будто он использовал этот болезненный опыт, чтобы обманом получить сочувствие Чжоу Цзихэна.

Зная, что он чрезвычайно добр, зная, что он любит его, он должен говорить эти вещи, чтобы огорчить его и заставить чувствовать себя огорчённым, а затем возвращать себе доброту десять и сто раз с нежностью. Такой подход действительно слишком хитрый.

Но у Ся Сицина не было другого выхода.

Этот опыт может быть скрыт, но кровь и гены, текущие в его костях, этого не сделают. Больше всего он боится того, что будет жить всё больше и больше также как его мать.

Он слышал много похожих вещей из слухов и разговоров. Вы и ваш романтический отец просто вылеплены из одного теста.

Все они одинаковы.

Но только Ся Сицин знал, что на самом деле он был похож на свою мать.

Мрачный, тщеславный и исчерпавший все средства для поддержания своего поверхностного благородства, разрывающий красивую кожу, внутри которой полно гноя, крови и остатков.

— Я не хочу быть ею.

После долгого молчания Ся Сицин внезапно произнёс такую фразу, которая удивила Чжоу Цзихэна, но он был удивлён меньше секунды и вскоре понял, о ком говорил Ся Сицин.

— Ты этого не делаешь. Ты отличаешься от неё. Ты добрый и сильный, и... - Чжоу Цзихэн схватил его руку, поднёс к своим губам и нежно поцеловал. — У тебя есть я.

Ся Сицин поднял глаза, чтобы посмотреть на него, в его глазах всё ещё была неопишуемая депрессия.

— Мы люди из двух миров. - То, что Ся Сицин избегает любви в глубине души, снова сыграло свою роль. — Ты очень хорош, ты лучший человек, которого я когда-либо встречал, но я - противоположность. Мы на противоположных сторонах, независимо от того, на чьей мы стороне.

Казалось, он испугался реплики Чжоу Цзихэна и поспешно продолжил объяснять:

— На самом деле, самая жестокая вещь - это не ложная любовь. Самая жестокая вещь - это то, что когда ты влюбляешься в кого-то, этот момент истинен. Ты действительно влюбился в него, и он действительно любит тебя, но...

Внезапно он поперхнулся, и Ся Сицин почувствовал себя нелепо. Он просто подумал, что в то время это было бы невыносимо. Это было действительно на него не похоже.

— Но что?

Сицин глубоко вздохнул:

— Но однажды чувства исчезнут, и ты больше не будешь любить, — Он посмотрел на Чжоу Цзихэна с эмоциями в глазах, — Этот момент тоже верен.

Чжоу Цзихэн наконец понял, почему Ся Сицин сопротивлялся установлению близких отношений с другими.

— Итак, — Он коснулся ушей Ся Сицина и сказал глубоким тоном, — Ты отказываешь мне не потому, что я тебе не нравлюсь, а потому, что боишься последнего момента.

Застигнутое его внезапным смещением центра тяжести, сердце Ся Сицина тяжело подпрыгнуло, как будто оно ударилось о грудную клетку.

У Чжоу Цзихэна всегда есть своя логика, что бы он ни говорил, он всегда может уловить ключ.

Но это не то, что хотел выразить Ся Сицин.

— Я хочу сказать, что сейчас я тебе нравлюсь из-за временного гормонального всплеска, но это чувство определенно остынет после того, как оно закипит, и тогда пострадаешь ты сам.

Глаза Чжоу Цзихэна оставались твёрдыми:

— Почему ты так уверен, что я остыну?

— Потому что мы вообще два совершенно противоположных человека. — Тон Ся Сицина стал жестким, как временная заноза. — Совершенно противоположные вещи внезапно сошлись воедино, без каких-либо хороших результатов.

Чжоу Цзихэн внезапно улыбнулся и отпустил руку Ся Сицина.

Ся Сицин нахмурился:

— Над чем ты смеёшься?

— Я так счастлив. Я придумал очень научный пример, подтверждающий мою точку зрения. — Он съёжился и лёг напротив него, дважды кашлянув, чтобы прочистить горло. — Ты сказал, что мы полная противоположность, позвольте мне сначала предположить, что это правда.

— Человек науки и техники. — Ся Сицин взглянул на него.

Чжоу Цзихэн вытянул указательный палец и прижал его к губам, затем улыбнулся.

— Знаешь, я вдруг вспомнил, что, когда мы записывали шоу во второй раз, ты должно быть помнишь любовное стихотворение о Большом взрыве.

— Согласно этой теории, после одной триллионной доли секунды взрыва во Вселенной появятся частицы, электроны, кварки, антиэлектроны и антикварки. В целом, это положительная и отрицательная частица. – Уголки его рта слегка приподнялись. Ся Сицин посмотрел на него, улыбаясь, и непроизвольно вытянул указательный палец, пытаясь ткнуть в уголок его рта.

Но Чжоу Цзихэн избежал этого.

Вытянутые кончики пальцев остались в воздухе, Чжоу Цзихэн также вытянул указательный палец, ткнул в кончики пальцев Ся Сицина, улыбнулся, его глаза заблестели.

— Во всё ещё хаотичной Вселенной положительные и античастицы встречаются, сталкиваются и аннигилируют, превращаясь в фотоны.

После этих слов кончики пальцев, которые только что касались друг друга, были просто зажаты в его ладони.

Ся Сицин наконец поверил, что десять пальцев соединили его сердце. В этот момент его сердцебиение, казалось, передалось кончикам пальцев, сильно бьась в его тёплой ладони.

— Под действием высокой температуры Вселенной фотоны продолжают производить положительные и отрицательные частицы. Подобно цепной реакции, они продолжают встречаться и аннигилировать. Вот загадка, которую учёные до сих пор не разгадали. Почему эти частицы в противоположных парах в конечном итоге образовали только положительную материю? Никто не знает, мы знаем только, что вероятность выживания этих частиц составляет одну на миллиард. – Он отпустил руку, и в тот момент, когда его пальцы разжались, показалась маленькая роза на его безымянном пальце.

— Затем температура Вселенной падала снова и снова, настолько низко, что эти электроны были притянуты ядром и превратились в атомы. Бесчисленные атомы стали звёздами под действием силы тяжести. Некоторые звёзды взорвались, а некоторые остались, такие как... – Он достал из кармана оранжевый «Леденец», — Солнце, маленькая звезда, родившаяся в маленьком уголке Вселенной.

Он снял сахарную бумагу с «Сунь» и сунул её в руку Ся Сицина.

— Через сотни миллионов лет эта маленькая звезда притянет к себе другую тяжелую материю и газ, образуя планеты. – Он достал ещё одну конфету со вкусом черники и подержал её в руке,

— Как земля.

Он схватил черничный леденец и окружил «маленькое солнце», которое Ся Сицин держал в руке, как маленький самолётчик.

— По прошествии долгого периода времени на этом астероиде появилась редкая жидкая вода, и постепенно появилась жизнь. Наконец, появились ты и я.

Чжоу Цзихэн посмотрел в глаза Ся Сицина, более нежный, чем космический звездный свет.

— Всё это создано этими выжившими частицами. Каждая часть тебя и моего тела, эта кровать, эта комната, земля, солнце и галактика происходят из этих миллиардных долей. В конце концов, это происходит от столкновения положительных и отрицательных частиц.

Длинная теория происхождения Вселенной закончилась на этом, Чжоу Цзихэн наклонился и поцеловал Ся Сицина в глаза.

— Следовательно, столкновение совершенно противоположных вещей может творить чудеса.

Сказав это, Чжоу Цзихэн обнял лицо Ся Сицина и поцеловал его в губы. Быстрый поцелуй украл его сердце в момент разлуки.

Гравитация также необъяснимым образом притягивается.

— Спор окончен.

Вообще не могу победить.

Так называемый опыт, который столько лет будоражил бесчисленные сердца, и так называемый непобедимый послужной список стали уязвимыми перед этим человеком. В тот момент, когда он попытался сдать, он обнаружил, что у него долгое время не было оружия.

Каждый из нас состоит из бесчисленных выживших частиц, составляющих сотую часть от ста тысяч, рассеянных в море миллиардов людей.

Поэтому, когда я встречаю вас, это чудо, созданное бесчисленными крошечными частицами, движущимися вперёд, а затем аннигилирующими и сталкивающимися.

Драгоценный и редкий.

Они вдвоём свернулись калачиком на этой маленькой односпальной кровати и проспали всю

ночь. Они встали рано утром, ещё до рассвета, и хотели вернуться к съёмочной группе для съёмки. Когда дверь этой виллы была заперта, сердце Ся Сицина внезапно тяжело упало.

Он поднял голову и взглянул на маленький балкон на третьём этаже. Ему смутно показалось, что он видит маленького мальчика, который машет ему с улыбкой на лице.

— В чём дело?

Ся Сицин опустил голову и улыбнулся, затем повернулся, чтобы посмотреть на Чжоу Цзихэна.

— Я встал слишком рано, у меня были галлюцинации.

После того, как Сун Нянь закончила учебу, она сделала много телефонных звонков Чжоу Цзихэну один за другим и отправила ему множество сообщений WeChat. Чжоу Цзихэн проигнорировал их все. Он сталкивался со многими подобными ситуациями во время съёмок. Обычно он объяснял собеседнику, указывая, что у него абсолютно не было намерения влюбляться, но Сун Нянь действительно приставала и давала ему понять, что её команда купилась на шумиху вокруг поиска. Даже такой добросердечный человек, как Чжоу Цзихэн, неизбежно почувствовал бы отвращение.

Кроме того, теперь у него только одно сердце на теле Ся Сицина, и он ни о чём не может позаботиться. Его повседневная жизнь – это съёмки и симпатия к Ся Сицину.

[Сун Нянь: Я знаю, ты так обо мне не думаешь, но я всё равно девушка. Ты просто бросил меня и убежал на банкете в Цинцине. Так много репортёров пришло на урок, и я тоже была смущена.]

Чжоу Цзихэн видел последнее, что она отправила. Если бы это был кто-то другой, он бы извинился, но перед Сун Нянь у него не было вины.

[Чжоу Цзихэн: Не притворяйтесь, эти репортёры также были найдены вашей командой, и я не обязан сообщать об этом.]

Отправив это предложение, Чжоу Цзихэн очернил Сун Нянь.

Обычные знаменитости так не поступают, даже если они разорвут себе лицо, они не прервут контакт, но семейное происхождение Чжоу Цзихэна создало ему естественный барьер для общения в кругу друзей, и в его глазах такой тигриный вид – ничто.

Следующие несколько дней станут кульминацией драмы.

По мере того как болезнь Гао Куна становилась всё более серьёзной, Чжоу Цзихэн каждый

день тратил всё больше и больше времени на макияж. Иногда он не ложился спать до раннего утра, и ему приходилось снова вставать, чтобы позировать после рассвета.

Ся Сицин пожалел его, сказав, что он был слишком в отчаянии, но Чжоу Цзихэну это понравилось.

После того, как, наконец, была отснята сцена в Центре по контролю и профилактике заболеваний, Кун Чэн, Чжоу Цзихэн и Ся Сицин сидели в машине. Ся Сицин посмотрел на пациентов снаружи машины и помахал им на прощание, на сердце у него внезапно стало кисло.

На самом деле, когда его личная жизнь была наиболее хаотичной, он действительно думал о том, не заразится ли СПИДом.

Он даже подумал, что если бы он действительно был заражён, это ничего бы не значило. В любом случае, жить было бы довольно скучно. Даже он не знал, что он делает, чтобы выжить. Почему он должен реагировать на Ся Юнцая? Всё ещё просто не хочу, чтобы на меня смотрели свысока.

Его взгляд переместился с внешней стороны машины на внутреннюю, посмотрев на Чжоу Цзихэна, который разговаривал с директором.

Почти на мгновение Чжоу Цзихэн тоже посмотрел на него, улыбнулся ему, а затем, как ни в чём не бывало, продолжил обсуждать следующие сцены с режиссёром.

Такая улыбка оказалась ответом, специально данным ему.

Прожив двадцать пять лет, я встретил Чжоу Цзихэна.

Кажется... это не потеря.

— На самом деле, теперь, когда в стране бесплатно раздают лекарства, лечение людей, больных СПИДом, уже не так сложно. - Чжоу Цзихэн вздохнул, посмотрев на сценарий в своей руке. — Возможно, для них психологическое давление намного больше, чем физические страдания.

— Представления людей о СПИДе всё ещё слишком старые, а дискриминация и страх возникают из-за отсутствия понимания. Эти представления трудно изменить, но видеоматериалы могут распространяться. - Кун Чэн похлопал Чжоу Цзихэна по плечу. — Это тоже одно из значений создания фильмов.

Чжоу Цзихэн тоже поднял голову. Сяо Ло передал несколько банок кофе. Он взял одну и бросил её Ся Сицину. Ся Сицин взял её и посмотрел на него.

— На вашем теле лежит большая ответственность.

Он улыбнулся, ярко сияя.

Ся Сицин тоже улыбнулся, подперев подбородок рукой и глядя в окно.

Раньше он очень ненавидел идеалистов. У этих самоуверенных людей всегда была иллюзия, что они могут спасти мир, пытаясь стать чрезвычайно важной частью мира.

На самом деле, многие так называемые идеалисты – всего лишь тяжелобольные пациенты, страдающие манией искупления. Большинство из них в конце концов умрут от разрыва между идеалами и реальностью, который невозможно заполнить.

Тяжело упал.

Ся Сицину всегда нравилось холодно наблюдать за трагической сценой падения этого идеала, пока он не встретил Чжоу Цзихэна.

Этот сияющий идеалист.

Он был настолько ослепителен, что Ся Сицин не смог бы унижить его, просто взглянув на это.

Я надеюсь, что он сможет свободно летать в бескрайнем свободном небе.

Глядя на лицо Чжоу Цзихэна, отражённое в окне машины, Ся Сицин не смог сдержать улыбки.

Если бы он мог, он был бы готов смотреть на него снизу вверх всё время.

Переход вернулся в дом, который они снимали раньше, который был резиденцией Цзян Туна. Когда Гао Кун убедился, что ему некуда идти, Цзян Тун приютил его.

Гао Кун каждый день курсирует между Центром по контролю и профилактике заболеваний и съёмным домом. Остальное время он проводит на случайной работе. Иногда, когда у него есть перерыв, Гао Кун изучает язык жестов.

Ожидая создания грима, Чжоу Цзихэн и Ся Сицин подобрали правильные реплики, и режиссёр направлял их со стороны. Во второй половине дня они отсняли несколько ежедневных роликов в этом арендованном доме.

— Это более позитивные и солнечные сцены в фильме, – Заказал Кун Чэн осветителю. — Источник света сильнее, но он должен быть мягче.

Когда стемнело, они вышли на ночную сцену.

Чжоу Цзихэн был очень обеспокоен этой ночной сценой. Цзян Туна приснилось во сне, что его мать пойдёт домой и соберёт свои сумки. Сначала она сказала, что хочет забрать Цзян Туна, но в конце концов ушла сама. Цзян Тун тоже проснулся от кошмара.

Просто прочитав сценарий, Чжоу Цзихэн нашёл его шокирующим.

— Режиссёр Кун, - Пока Ся Сицин гримировался, Чжоу Цзихэн сидел рядом с Кун Чэном, — Эта сцена важна?

— Конечно. Эта сцена - руководство по разоблачению прошлого Цзян Туна.

Кун Чэн снова много обсуждал сценарий с Чжоу Цзихэном. Чжоу Цзихэн не мог расслышать ни слова. Первоначально он думал, что если это не важно, то он мог бы с таким же успехом удалить его, чтобы Ся Сицин не выкопал «пустую кровь», чтобы играть, и, наконец, отрезал её.

Уделяя так много внимания актёрскому мастерству, Чжоу Цзихэн мог только часто кивать головой, чувствуя себя неловко.

Время от времени поворачивая голову, чтобы посмотреть на Ся Сицина, он мог видеть только, что тот тщательно запоминал свои реплики, глядя на сценарий в своей руке с опущенными бровями.

После того, как грим будет закончен, скоро начнутся съёмки. Ожидая, пока Кун Чэн подготовит место для выхода, Ся Сицин сказал:

— Режиссёр Кун, абзац Цзян Туна - это сон. Чтобы отличить реальность, я думаю, Цзян Тун будет вести себя как обычный оратор во сне.

Он снова объяснил:

— Его сны в какой-то степени отражают его желания. Он очень скучает по своей матери, поэтому мечтает о том, чтобы она вернулась и забрала его. Точно так же, я думаю, он также надеется, что он нормальный ребенок, а не потому, что не может сказать. Слова были высмеяны.

Кун Чэн немного подумал и решил воспользоваться его предложением и попробовать сыграть в неё ещё раз.

— 45-я сцена «Слежения», Зеркало А, первый раз, экшн!

Цзян Тун сидел в одиночестве на старом диване, тихо поигрывая лопастями старого вентилятора.

Внезапно раздался стук в дверь, и в тот момент, когда он встал, звук исчез.

Только собрался сесть, как снова раздался стук в дверь.

Цзян Тун сначала сделал два медленных шага, но по какой-то причине внезапно ускорил шаг и с тревогой открыл дверь.

За дверью стояла раненая женщина. Её тело представляло собой смесь дешёвых духов и крови, высохшие вьющиеся волосы, носки в сеточку с дырками и косметика, которая была израсходована давным-давно.

— Тун-Тун? - Она засмеялась, её ярко-красная помада наклеена на уголки губ. — Тун-Тун.

Цзян Тун был ошеломлён на том же месте, не в силах вымолвить ни слова.

— Тунтун, я - твоя мать. - Женщина, которая отсутствовала много лет, нежно обняла его и похлопала по спине. — Мама здесь.

Цзян Тун был так ошеломлён, что позволил ей твердо держать себя в руках.

— Да, мама вернулась. - Женщина отпустила его руку, взяла его за плечо и слегка оттолкнула.
— Ты стал таким большим...

Её тон немного дрогнул.

Поскольку актёр этого не ожидал, Ся Сицин, сыгравший Цзян Туна, уже был в слезах.

В момент объятия большая капля его слёз упала из глаз.

Даже Кун Чэн за монитором был втайне ошеломлён. Он видел многих актёров, эмоции которых проявлялись быстро, но этот был первым. Он даже не попросил Ся Сицин сыграть здесь сцену плача.

Только Чжоу Цзихэн стоял в углу, не говоря ни слова, обеспокоенный больше, чем кто-либо другой.

Но актриса также была очень профессиональна, и режиссёр не остановился, поэтому она быстро последовала за выступлением.

Она принесла свой ветхий чемодан и с улыбкой коснулась щеки Цзян Туна:

— На этот раз мама вернётся, чтобы забрать тебя.

После разговора она отвела Цзян Туна в маленькую спальню, сразу же открыла шкаф, достала из него много одежды и юбок и запихнула их все в коробку.

— Мама, - Цзян Тун тупо стоял у шкафа, заткнув уши пальцами, но он не мог дотронуться до слухового аппарата. Его глаза были полны замешательства, — Ты действительно вернулась?

— Это верно, глупый мальчик. - Мама встала из шкафа и снова коснулась его лица. — На этот раз мама заберёт тебя, и мы никогда не вернёмся. - Она огляделась вокруг. — Никогда больше не оставаясь в этом месте.

Цзян Тун внезапно рассмеялся, радуясь, как ребёнок. Как и его мать, он порылся в своей одежде в шкафу, запихивая её одну за другой в маленький потрёпанный чемодан.

В камере он и его мать перекрещивают свои руки в чемодане.

Но в следующую секунду, когда он запихивал в неё свою пожелтевшую белую рубашку, с неё внезапно скатилось несколько капель крови.

Одна капля, другая капля, соединённые в одно целое.

Когда он поднял глаза, то увидел кровь на лице своей матери, стекавшую с макушки на подбородок, раны по всему телу и даже большие и маленькие шрамы от сигаретных окурков.

Цзян Тун внезапно запаниковал.

— Мам, я иду, я принесу тебе марлю, лекарство...

Он в спешке встал, прошёл в ванную, открыл шкафчик за зеркалом и нашёл там маленькую коробочку с лекарствами. Когда он снова закрыл зеркало, он ясно увидел это. «Я» в зеркале также покрыто ранами.

Мама.

Я собираюсь перевязать свою маму.

Когда он вернулся в спальню, она была пуста, без каких-либо следов его матери и без багажа.

Он выбежал, судорожно сжимая коробку, и увидел, как какая-то фигура открыла дверь и вышла из полуразрушенного съёмного дома.

Мама!

Цзян Тун закричал, но обнаружил, что не может издать ни звука. Он открыл дверь и босиком сбежал вниз по лестнице.

Там ничего нет, она уже ушла.

Цзян Тун держал свою маленькую коробочку с лекарствами в одиночестве, крепко стиснув зубы, и мышцы его челюсти дрожали.

Его голубые и опухшие глаза были полны слёз, но ни одна капля не могла вытекть.

— Снято. - Кун Дао встал. — Этот очень хорош, наилучший. В глубине души он был немного тронут. - Я подумал, что для того, чтобы эта сцена произвела тот эффект, которого он хотел, её нужно было бы усилить по крайней мере тремя или четырьмя. Ся Сицин чувствовал себя так хорошо, даже лучше, чем он себе представлял. Кун Чэн не мог не задаться вопросом, что сценарий, составленный Сюй, был написан для него.

Сделав несколько снимков, он, наконец, закончил снимать эту сказочную страну.

Ся Сицин сидел в гостиной, ожидая, пока группа реквизиторов переставит сцену.

На самом деле он не осмеливался думать о том, сможет ли он стабилизировать своё самочувствие, если пьесу снимут до того, как он отвезёт Чжоу Цзихэна домой.

Но сейчас он, кажется, многое отпустил.

Через некоторое время после стрельбы Ся Сицин обнаружил, что его ступни немного болят. Он посмотрел вниз и обнаружил, что часть подошв его ног ближе к пальцам была поцарапана чем-то на земле, и там была небольшая ямка, которая была не слишком глубокой.

Он был так ошеломлён, что даже не заметил своего пореза.

Как раз в тот момент, когда он собирался позвонить Сяосяю, подошёл Чжоу Цзихэн с кастрюлей горячей воды.

— Где ты это взял?

— Я попросил Сясяо вскипятить для меня воду, когда ты снимал.

Чжоу Цзихэн наполовину опустился на колени, опустил руку в воду, чтобы попробовать температуру, затем схватил ногу Ся Сицина и приготовился опустить её в воду, но Ся Сицин спрятался на некоторое время.

— Я сделаю это сам. — Он взглянул на дверь гостиной. — Не делай этого, нехорошо, если тебя увидят позже.

— Чего ты боишься? — Чжоу Цзихэн всё ещё упрямо хватался за лодыжку, но обнаружил, что на подошвах его ног остались слабые следы крови. — В чём дело? Ты ранен?

— Можно ли это также считать травмой? Раньше у тебя были сломанные руки и ноги на съёмках, так что я посмотрю.

Ся Сицин боялся, что он скажет, поэтому он взял инициативу в свои руки, опустил ноги в таз и потянулся, чтобы вымыть их сам.

Но Чжоу Цзихэн был очень упрям и должен был помочь ему вымыть это. Какое-то время им двоим было неловко. Ся Сицин боялся, что кто-нибудь войдёт в любое время. Ещё хуже было видеть, как они создают подобные проблемы, поэтому ему пришлось притвориться мёртвым и позволить ему вымыть это.

— Тогда поторопись и не откладывай дела в долгий ящик.

Чжоу Цзихэн опустил голову, улыбнувшись:

— Я не могу откладывать это.

Его движения были очень нежными. Он встал и взял мягкое полотенце и маленькую аптечку первой помощи, которая у них всегда была. Он снова присел на корточки и тщательно вытер для него воду, положил его ноги себе на колени и продезинфицировал маленькую рану. И, наконец, наложил пластырь.

— Готово. — Завершив всю работу, Чжоу Цзихэн опустил голову и поцеловал его светлую ступню, затем поднял голову и улыбнулся ему.

Ся Сицин посмотрел на него сверху вниз:

— Дурак.

Чжоу Цзихэн ущипнул его за лодыжку:

— Ты просто играл так хорошо, что все ещё беспокоятся о тебе. Боятся, что ты выйдешь из-под контроля эмоционально.

— Кажется, намного лучше сказать всё это, — Ся Сицин дёрнул уголком рта. — Легко вырваться, если продолжать давить.

— Ты определенно будешь становиться всё лучше и лучше. — Чжоу Цзихэн поднял своё лицо и улыбнулся ему.

Этот человек очень странный. Когда он не смеётся, его чрезмерно резкие черты лица всегда вызывают у людей сильное ощущение естественной подавленности, но когда он улыбается, его глубокие глаза недобро изгибаются вверх, подобно полумесяцу, уголки рта также приподняты, и в его мягкости есть мальчишеская кротость.

Становится ли это всё лучше и лучше?..

Откуда именно он взялся? Уверенность может продолжать поддерживать его в твёрдой вере в этот счастливый конец.

Ся Сицин опустил брови и улыбнулся:

— Ты когда-нибудь видел наблюдателя на пшеничном поле?

Увидев, что Чжоу Цзихэн кивает, он продолжил:

— Я помню, что в нём есть такое предложение: незрелый идеалист трагически погибнет за свои идеалы, в то время как зрелый идеалист будет жить ради своих идеалов. — Он посмотрел на Чжоу Цзихэна своими глазами. — Ты больше похож на того незрелого бывшего.

Слишком восторженный, слишком отчаянный.

Чжоу Цзихэн встал, снова наклонился, положил руки на колени, стоя прямо, и наклонился перед Ся Сицином, который сидел в кресле.

Я думал, он хотел опровергнуть это, в конце концов, у него всегда есть своя логика.

Но Чжоу Цзихэн подтвердил суждение Ся Сицина.

— Точно.

Чжоу Цзихэн наклонился и поцеловал его, его взгляд был твёрдым и нежным.

— Мой идеал - это ты. Если тебя заменят, я действительно готов трагически умереть за тебя.

Ся Сицин был убеждён в этот момент, что этот человек, должно быть, естественная положительная частица, и ему не терпелось обнять своё негативное «я» и уничтожить его в пылающем огне.

— Для артиста-исполнителя это финал, полный театральной красоты и воздействия.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284221>